

Бібліографія.

1. Проф. М. Д. Муретовъ, *Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Иисуса“*, С.-Петербургъ, 1908, I+III+419.

Сочиненіе Е. Ренана „Жизнь Иисуса“ не пользуется нынѣ на Западѣ никакимъ ученымъ кредитомъ и съ нимъ почти совершенно не считаются. Но у насъ увлеченіе Ренаномъ продолжается, а наплодившіеся въ послѣднее время, иногда довольно безграмотные, переводы его сочиненій всячески подогрѣваютъ въ обществѣ это увлеченіе. Есть немало людей, которые серьезно убѣждены, что въ своей пресловутой „Жизни Иисуса“ Е. Ренанъ представилъ намъ подлинный образъ Христа, а такъ называемое „церковное пониманіе“ не имѣетъ для себя опоры въ Евангеліяхъ. Не одинъ разъ приходится слышать настойчивыя заявленія, что трудъ Ренана слѣдовало бы подвергнуть серьезной научной критикѣ.

Въ виду этого нельзя не порадоваться появленію въ нашей богословской литературѣ названнаго сочиненія почтеннаго профессора Московской Духовной Академіи М. Д. Муретова. Кромѣ предисловія и заключенія оно состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части дается „общая характеристика Ренановой Жизни Иисуса съ художественной, научной и теологической сторонъ“ (8—21 стр.); во второй части находимъ „подробное изложеніе книги Ренана по ея главнымъ и существеннымъ особенностямъ съ художественной, научной и теологической сторонъ“ (22—94 стр.) третья часть, самая обширная, заключаетъ въ себѣ критику

„Ренановой Жизни Иисуса съ точекъ зрѣнія: а) нравственно-религіозной или идеи Богочеловѣка; б) научно—исторической или Евангелія и с) богословско-теоретической или чуда“ (стр. 94—419).

Въ трудѣ проф. М. Д. Муретова со всею убѣдительною показано, что Ренанъ въ своей „Жизни Иисуса“ представилъ не дѣйствительный образъ Христа, а каррикатуру Христа; Ренанъ—невѣра и онъ не могъ понять высокаго религіозно-нравственнаго значенія Лица Искунителя; Ренанъ—историкъ эмпирикъ, для котораго исторія есть игра простыхъ случайностей и не имѣетъ высшаго смысла. Трудъ Е. Ренана не исторія, а историческій романъ, и „подъ главнымъ лицомъ Ренановой картины можно подписать имя любого еврейскаго раввина—Гилдела, Гаматина, Матоя и другихъ, имъ же имя легіонъ“ (стр. 97).

Особенно цѣнны, по нашему мнѣнію, тѣ страницы труда проф. М. Д. Муретова, гдѣ онъ глава за главою подвергаетъ критикѣ Ренановскую Жизнь Иисуса (стр. 178—244) и со всею убѣдительною показываетъ, какія дѣлаетъ Ренанъ передержки въ евангельскомъ текстѣ, какъ часто онъ кощунствуетъ, инсинуируетъ, фантазируетъ. Тутъ есть много прекрасныхъ объясненій трудныхъ мѣстъ Евангелій.

Проф. М. Д. Муретовъ—это богословъ—философъ. Въ его трудѣ находимъ много въ высшей степени важныхъ богословско—философскихъ трактатовъ. Особенно выдѣляется глубокомысленный трактатъ о чудесахъ, превосходящій все, что написано по этому вопросу въ нашей литературѣ. Вездѣ въ трудѣ виденъ сильный мыслитель, полный высокаго религіознаго одушевленія. Сочиненіе написано во многихъ мѣстахъ прямо художественно. Жизнь Ренановской Жизни Иисуса возведена къ ея перво-основѣ—грубому реализму папизма, оземлененію имъ христіанства. Превосходныя параллели проводитъ авторъ между папизмомъ, протестант-

ствомъ и православіемъ въ области религіозно-нравственной и научной.

Высокій интересъ имѣетъ данное авторомъ психологическое доказательство Богочеловѣчества Христа, его разъясненія соборности Церкви. Въ высшей степени цѣнны въ научномъ отношеніи обширныя примѣчанія въ концѣ книги, касающіяся подлинности и достовѣрности Евангелій.

Нѣкоторые, впрочемъ, взгляды автора нуждаются въ болѣе подробномъ раскрытіи и обоснованіи. Такъ труднѣйшую синоптическую проблему проф. М. Д. Муретовъ разрѣшаетъ слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ: „взаимо-отношеніе синоптическихъ евангелій таково, что несомнѣнно и необходимо предполагаетъ письменную рецензію общаго и законченно-образовавшагося евангельскаго текста—устнаго или письменнаго, т. е. или общаго и устнаго перво—Евангелія или одного изъ синоптиковъ (Марка или Матвея), стран. 159, прим. 7. Едва ли можно говорить о такой несомнѣнности.

Трудъ проф. М. Д. Муретова является весьма полезнымъ въ нашей литературѣ и можно пожелать возможно широкаго его распространенія.

Д. Б.

2. А. Глаголевъ. *Комментарій на книгу Пѣсни Пѣсней Соломона*, С.-Петербургъ, 1909, 1—39 стран.

Иудейскій комментаторъ X в. Саадія говоритъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней: „знай, братъ мой, что есть различныя объясненія этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Пѣснь Пѣсней подобна замку, отъ котораго ключъ потерянь; одни утверждаютъ, что она относится къ царству израильскому, другіе—къ закону, третьи—ко временамъ плѣна, четвертые—къ Мессіи“ (о. А. А. Глаголевъ, Комментарій, стран. 7).

Существует три главнѣйшихъ толкованія книги „Пѣснь Пѣсней“. Одно можно назвать символическимъ, другое—по преимуществу (но не исключительно) натуралистическимъ, третье—реалистическимъ. Сущность перваго толкованія (Оригенъ) состоитъ въ томъ, что подъ Возлюбленнымъ разумѣется Христосъ, а подъ Возлюбленною—Церковь, такъ что въ книгѣ раскрывается благодатное таинство союза Христа съ Церковью. Согласно второму пониманію (проф. А. А. Оленичъ-Криковскій) „священный писатель Пѣсни Пѣсней имѣлъ изобразить собственно Палестину... Соотвѣтственно съ этимъ и женихъ Пѣсни Пѣсней долженъ принадлежать видимой природѣ, по крайней мѣрѣ открываться въ явленіяхъ видимой природы. Но въ то время какъ картины и штрихи, изображающіе невесту, вполне тяготеютъ къ низменной земной природѣ, штрихи, собранные въ образъ жениха, хотя соприкасаются съ землею, но сами принадлежатъ высшей эфирной области свѣта. По мѣрѣ того какъ мы всматриваемся въ эти залитыя свѣтомъ картины, чело-вѣческій образъ жениха все болѣе тускнѣетъ и наконецъ, превращается въ свѣтоварный образъ *солнца*... Палестинская природа—невеста Пѣсни Пѣсней стремится къ своему палестинскому солнцу“ (о. А. А. Глаголенъ, стр. 12). Однако при этомъ толкованіи ясно поставляется на видъ и слѣдующее: „Какъ невеста есть не только палестинская земля, но и населяющій ее еврейскій народъ, такъ и женихъ есть не только благодѣтельная для земли физическая сила—солнце, но и сила политическая—царь, у пророка (Иер. XV, 9) поэтически называемый солнцемъ; частицею—царь Соломонъ. Но высшею, благодѣявшею землѣ Палестинской и Израилю силою была сила Божественная, которой были обязаны своимъ бытіемъ и дѣйствіемъ и физическая сила солнца и политическая царя. Въ солнцѣ и лазури возвышающійся надъ землею царь Соломонъ, какъ благодѣтельный геній страны, самъ собою вызывалъ въ мысли поэта образъ прославлен-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

наго Мессіи, имѣющаго явиться въ облакахъ славы и завершить всѣ высшія премірыя благодѣянія народу“ (Ibid. 12. 13).—Въ третьемъ толкованіи выдвигается, что „тою естественною почвою, на которой священный поэтъ и мудрецъ нарисовалъ несравненный по красотѣ и возвышенности образъ совершеннѣйшей пламенной любви человѣка и общества людей—Церкви къ Богу, является мощное чувство радости жизни, половая любовь и любовь къ природѣ“ (Ibid. 13); невѣста „выступаетъ провинціалкою, недавно прибывшею въ среду придворныхъ дамъ Соломона“ (Ibid. 17) и т. п.

Эти три толкованія проф. о. А. А. Глаголевъ весьма искусно соединяетъ въ своемъ комментарий на кн. Пѣснь Пѣсней, отдавая предпочтеніе гипотезѣ покойнаго профессора А. А. Олесницкаго. Комментарій написанъ ученымъ библеистомъ, знатокомъ своего дѣла. Есть много цѣнныхъ историческихъ и археологическихъ замѣчаній; есть хорошія исправленія славянскаго и русскаго перевода книги. На 14 страницахъ введенія въ комментарий сказано все главнѣйшее и существенное о толкованіяхъ книги, ея формѣ, ея единствѣ и писателѣ.

Съ своей стороны мы являемся защитниками символическаго аллегорическаго толкованія книги, находимаго въ древней іудейской синагогѣ и въ христіанской Церкви. Тутъ именно нужно искать ключъ къ разясненію „неуловимой загадки, предложенной человѣческому духу Духомъ Абсолютнымъ“. Іегова есть Богъ ревнитель, и эту ревнивую любовь Божію къ Израилю въ различные періоды его исторической жизни и ту любовь, какую долженъ имѣть къ Нему Израиль, и изображаетъ пластически кн. Пѣснь Пѣсней, заимствуя образы изъ Палестинской природы и имѣя въ виду психологию любви вообще. Хорошія разясненія даетъ Мидрашъ, напр. словъ 5, 1: „я сплю, а сердце мое бодрствуетъ“. „Господь міра! я сплю и не исполняю заповѣдей, но сердце-

мое бодрствуетъ, оно возбуждено любовью къ людемъ; я сплю, не говорю о благотворительности, но сердце мое бодрствуетъ, чтобы совершать ее; я сплю—я опускаю жертвоприношенія, но сердце мое бдитъ, благоговѣйно настроенное къ чтенію „шема“ и „молитвы“ и дал. (стран. 30. 31). Или изъясненіе 6, 1—3: „Народы міра говорятъ Израилю: куда ушелъ твой Возлюбленный отъ Египта, моря, Синая? Что спрашиваете вы меня о Немъ,—отвѣтило общество Израилево: что пользы вамъ спрашивать о Немъ, какое участіе имѣете вы въ Немъ? Я не могу,—съ тѣхъ поръ, какъ я съ Нимъ соединилась,—оставить Его, разлучиться отъ Него. Гдѣ бы Онъ ни былъ, Онъ придетъ ко мнѣ“ (стран. 32).

Профессоръ А. А. Глаголевъ, такъ много потрудившійся въ изъясненіи книгъ Ветхаго Завѣта, своимъ комментариемъ на кн. Пѣснь Пѣсней оказалъ несомнѣнную пользу нашей богословской наукѣ.

Д. Б.

3. **Архимандритъ Михаилъ (Богдановъ).** *Преображеніе Господа Иисуса Христа, Его предсказаніе о Своей смерти и воскресеніи и наставленія ученикамъ въ Капернаумъ. Опытъ экзегетическаго изслѣдованія XVII и XVIII главъ ев. Матвея. Казань, 1906, 410 стр.*

Сочиненіе представляетъ очень обстоятельный и научный комментарий 17 и 18 гл. ев. Матвея и параллельныхъ отдѣловъ другихъ синоптиковъ. Написано оно необыкновенно просто и ясно. Литературою авторъ пользовался сравнительно небольшою, но ее, видно, внимательно изучалъ. Въ экзегетикѣ часто выступаетъ психологическій моментъ, дающій автору возможность успѣшно разрѣшать многія трудности евангельскаго текста. Хорошо ведется примиреніе иногда, повидимому, очень разногласныхъ евангельскихъ повѣствованій; изъ различныхъ толкованій избираются почти всегда лучшія изъясненія.

Своеобразно положеніе автора, что наименованіе „Сынъ человѣческій“ не заключаетъ въ себѣ мессіанскаго смысла (175—178 стр.) и что оно не заимствовано изъ кн. пророка Давида, а означаетъ просто человѣка въ исключительномъ смыслѣ. Усвоеніе Себѣ Христомъ этого наименованія авторъ объясняетъ такимъ образомъ: „Если мы вспомнимъ всѣ пророчества и обѣтованія Ветхаго Завета о Богѣ, Спасителѣ міра, то убѣдимся, что во всѣхъ ихъ Онъ изображается, какъ Сынъ человѣческій. Обѣтованіе, данное людямъ еще въ раю, именуетъ Его *сыномъ жены* (Быт. 3, 15); по дальнѣйшимъ обѣтованіямъ, Онъ есть сѣмя Авраама, Исаака и Іакова (Быт. 12, 3; 18, 18; 22, 18; 26, 4; 28, 14), сѣмя или потомокъ Іуды (Быт. 49, 10) и, наконецъ, прямо называется сыномъ Давида (1 Парал. 17, 11—14). Мысль о томъ, что Іисусъ Христосъ есть дѣйствительный Сынъ человѣческій, внушается евангельскими родословіями Его, которыя мы находимъ у ев. Маттея и Луки. Первый называетъ Господа сыномъ Давида, сыномъ Авраама и указываетъ другихъ нисходящихъ предковъ Господнихъ по плоти; второй по восходящей линіи доводитъ родословіе Іисуса Христа до Адама. Оба Евангелиста доказываютъ этимъ родство Господа съ людьми по плоти. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть рѣчи о заимствованіи откуда либо наименованія „Сынъ человѣческій“. Оно принадлежитъ Господу по его человѣчеству и вылилось изъ самой глубины Его души, какъ Его собственное имя“ (стр. 179). Объясненіе, какъ видно, не отличается глубиною и уступаетъ, по нашему мнѣнію, почти общепринятому въ нашей литературѣ истолкованію наименованія „Сынъ человѣческій“ въ мессіанскомъ смыслѣ. „Сынъ человѣческій“ есть въ тоже время и „Сынъ Божій“. Наименованіе „Сынъ человѣческій“ указываетъ на Мессію уничиженнаго, отвергнутаго, страждущаго.

Психологическія разсужденія автора иногда отличаются какою то грубоватостью. Напр. на стр. 33 авторъ гово-

рять: „Ѣаворская молитва Его (т. е. Христа) была особенно горяча и сильна. Этими качествами она превосходила (?) ту молитву, которою Господь молился въ пустыни во время сорокодневнаго поста и приготовленія къ общественному служенію и была одинакова съ молитвою Гесиманскою. Различіе между этою послѣднею и Ѣаворскою касается только, такъ сказать, тона молитвы“ и дал. Или: „съ приближеніемъ времени крестныхъ страданій человѣческая природа Иисуса Христа переживала внутреннюю борьбу между страхомъ смерти и рѣшимостью принести Себя въ жертву за грѣхи людей. Преображеніе много способствовало склоненію результатовъ борьбы въ пользу послѣдней“ (стр. 56). Или: „чтобы во время страданій, при сосредоточеніи на Немъ всего гнѣва Божія, который долженъ былъ обрушиться на грѣховное человѣчество, Онъ не потерялъ надежды на любовь Бога Отца, о ней и свидѣтельствуется теперь“ (78—79 стр.), т. е. во время преображенія словами: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный“. Или: „застарѣлая форма недуга (т. е. бѣсноватаго юноши), присутствіе книжниковъ, этихъ исконныхъ враговъ Христа и Его послѣдователей, отсутствіе Господа и лучшихъ изъ Апостоловъ—все это повліяло неблагопріятнымъ образомъ на твердость духа находившихся подъ горою апостоловъ“ (стр. 140). Нѣтъ именно тонкости, мастерства психологическаго анализа, а видна какая то довольно грубая отдѣлка.

Есть сужденія недоказанныя, напр., что „преображеніе Господа предполагается въ евангеліи Іоанна (1, 14) и въ первомъ его посланіи (1, 1—3), при чемъ намекается на то, что этотъ апостолъ былъ очевидцемъ этого событія“ (стр. 124).

Не можемъ согласиться съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ 12 учениковъ Господа были Его родственниками по плоти (стр. 214), хотя это мнѣніе проводится многими.

Излишними являются въ экзегезисѣ иногда простран-
ныя моральныя разсужденія (стран. 233 и дал.; 239 и дал.).

Мало сказано о чудесномъ уловѣ статира.

Въ общемъ трудъ о. архимандрита Михаила является
трудомъ почтеннымъ и полезнымъ въ нашей богословской
литературѣ. Желательно его приобретѣніе въ бібліотеки
духовныхъ семинарій.

Д. Б.

4. A. Harnack *Lucas der Arzt, der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte. Leipzig, 1906. (Beiträge zur Einleitung in das Neue Testament, 1 H.), S. 1 ÷ 160.*

Сочиненіе А. Гарнака состоитъ изъ четырехъ главъ.
Въ первой главѣ говорится о книгѣ Дѣяній Апостольскихъ
вообще (S. 1—18); во второй изслѣдуются отдѣлы книги,
гдѣ господствуетъ форма „мы“ (S. 19—85); въ третьей устраи-
ваются возраженія противъ принадлежности третьяго Еван-
гелія и книги Дѣяній Лукѣ (S. 86—103); въ четвертой нахо-
димъ общія соображенія о происхожденіи и взаимномъ отно-
шеніи синоптическихъ Евангелій (104—121).

Въ высшей степени цѣнно то, что Гарнакъ говоритъ
о подлинности книги Дѣяній Апостольскихъ. Онъ доказы-
ваетъ, что содержаніе книги, ея характеръ вполне соотвѣт-
ствуетъ церковному преданію о Лукѣ, какъ спутникѣ и со-
трудникѣ св. Апостола Павла. Исторію критики книги
Дѣяній Гарнакъ называетъ „исторією ея страданій“ (S. 9).

Со всею рѣшительностью доказывается, что отдѣлы
книги, гдѣ господствуетъ форма „мы“ (16, 10—17; 20, 5—15;
21, 1—18; 27, 1—28, 16), принадлежатъ Лукѣ, ибо только
онъ, назвавши себя въ прологѣ въ первомъ лицѣ, могъ
далѣе обозначать себя Теофилу простымъ „мы“. Совершенно
нелѣпою является гипотеза, что кто-то другой написалъ
книгу Дѣяній, воспользовавшись дневникомъ Луки: невы-
сказимо, чтобы имя настоящаго автора книги безслѣдно

исчезло, а осталось въ преданіи только имя составителя нѣкоторыхъ ея фрагментовъ. Гарнакъ весьма подробно анализируетъ стиль отдѣловъ съ „мы“, ихъ лексическій матеріалъ (собственно онъ останавливается на 16, 10—17 и 28, —16) и приходитъ къ заключенію, что писатель отдѣловъ одно лицо съ писателемъ всей книги, отдѣлы стоятъ вообще въ органической связи со всѣмъ произведеніемъ, а не являются какимъ либо его наслоеніемъ.

Прекрасно отмѣчаетъ Гарнакъ, что только спутникъ ап. Павла могъ начертать намъ тотъ его великій образъ, такой находимъ въ книгѣ Дѣяній; въ II в. этого сдѣлать уже не могли; писатель пользовался свидѣтельствомъ очевидцевъ (S. 98. 99).

Много, впрочемъ, въ сочиненіи А. Гарнака есть сужденій совершенно невѣрныхъ, даже парадоксальныхъ, напримеръ, что сотеріологія Луки отличается отъ сотеріологіи евангелиста св. Павла (S. 100), что Лука вообще могъ не разумѣть Апостола языковъ (S. 90. 91), что для него сила Евангелія заключается главнымъ образомъ въ его чудесности (S. 102. 103) и т. п. Вообще, характеристика писателя третьяго Евангелія и книги Дѣяній часто дается совершенно невѣрная.

Затрагиваемую синоптическую проблему А. Гарнакъ нисколько не прояснилъ, а только запуталъ, вооружаясь противъ церковнаго преданія о происхожденіи второго Евангелія, считал евангелиста Матвея написаннымъ позднѣе другихъ синоптиковъ (S. 113 f., 119, 120). Совершенно произвольно сужденіе, что многія евангельскія извѣстія Лука получилъ отъ діакона Филиппа и его дочерей (S. 108, 109 ff.), причемъ этотъ источникъ Гарнакъ считаетъ полнымъ легендой.

Въ сочиненіи находится четыре приложенія къ тексту. Въ первомъ приложеніи (S. 122—137) доказывается, что писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній былъ по профессіи врачъ; во второмъ (S. 138—152) дается филологическій

анализъ Лук. 1, 39—56. 68—79; 2, 15—20. 41—52; въ третьемъ (S. 153—156)—такой же анализъ Дѣян. 15, 23—29; въ четвертомъ (S. 157—160) говорится объ отношеніи писаній Луки къ четвертому Евангелію. Цѣннымъ является только первое приложеніе, въ которомъ собрано много полезныхъ для экзегета данныхъ, извлеченныхъ преимущественно изъ сочиненія *Hobart'a*: *The medical language of St. Luke*, Dublin, 1882. Остальныя приложенія написаны тенденціозно и въ раціоналистическомъ духѣ. Гарнакъ старается во второмъ приложеніи доказать, что гимны Елизаветы, Богоматери, Захаріи составлены самимъ Лукою на основаніи ветхозавѣтныхъ писаній и въ основѣ ихъ нельзя предполагать не только греческаго, но и арамейскаго письменнаго источника. Но часто уже поставлялось на видъ присутствіе въ этихъ гимнахъ подлинныхъ произвольныхъ арамеизмовъ, показывающихъ, что священныя пѣсни ни въ какомъ случаѣ не присочинены самимъ Лукою, а переданы имъ вѣрно и только иногда окрашены его собственнымъ стилемъ.

Д. Б.

Б. М. Богословскій. *Общественное служеніе Господа нашего Иисуса Христа по сказаніямъ св. Евангелистовъ. Историко-экзегетическое изслѣдованіе. Первый выпускъ. Казань, 1908, 270 стр.*

Названное сочиненіе профессора Казанской Духовной Академіи М. И. Богословскаго составляетъ продолженіе его труда: „Дѣтство и отрочество Христа Спасителя“. Его можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой части разсматриваются предуготовительныя событія къ началу общественнаго служенія Господа, именно: 1) явленіе Іоанна Предтечи на служеніе, его проповѣдь, крещеніе народа и свидѣтельство о Христѣ; 2) крещеніе Господа нашего Иисуса Христа и 3) искушеніе Господа нашего отъ діавола. Во второй части анализируются событія, составляющія начало общественнаго

служения Господа: 1) свидѣтельство Предтечи о Христѣ; 2) призваніе Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ первыхъ учениковъ; 3) чудо на бракѣ въ Канѣ Галилейской; 4) Господь въ Капернаумѣ и въ Іерусалимѣ на праздникѣ первой пасхи; 5) бесѣда съ Никодимомъ; 6) пребываніе Иисуса Христа въ Іудеѣ и послѣднее о Немъ свидѣтельство І. Предтечи.

Всѣ главы написаны по одному плану: общее содержаніе данныхъ евангельскихъ повѣствованій, раздѣленіе ихъ, экзегетическій ихъ анализъ и наконецъ защита противъ возраженій отрицательной критики ихъ подлинности и исторической достовѣрности. Наибольше мѣста, какъ и естественно ожидать, отводится экзегезису, который всегда отличается необыкновенною ясностью и простотою. Авторъ слѣдуетъ преимущественно толкованіямъ свято-отеческимъ, но не игнорируетъ и западныхъ работъ, хотя указаній на новѣйшіе западные труды иногда не находимъ.

Обращаетъ на себя вниманіе рѣшеніе проф. М. И. Богословскимъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ Евангельской экзегетики. Слова: *въ пятое же десятое лѣто владычества Тиверія Кесаря* (Лук. 3, 1) онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, согласно съ лучшими западными учеными, что счетъ правленія Тиверія нужно вести со времени объявленія его, въ концѣ 764 или въ началѣ 765, соправителемъ Августа, а не со времени смерти Августа, потому что только при такомъ счисленіи (полагая годъ Р. Х. 749) Христу во время крещенія было около 30 лѣтъ (пятнадцатый годъ царствованія Тиверія тогда падаетъ на 779 или 780), а не около 33 (пятнадцатый годъ царствованія Тиверія при второмъ счисленіи приходится на 782).—Относительно крещенія Іоаннова авторъ категорически утверждаетъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ іудейскимъ крещеніемъ прозелитовъ, появившимся сравнительно поздно (III в.). Нельзя его выводить и изъ іудейскихъ омовеній. „Крещеніе Іоанново было совершенно новымъ, неизвѣстнымъ въ ветхозавѣтной прак-

тикѣ обрядомъ и представляетъ совершенную противоположность омовеніямъ и очищеніямъ, предписаннымъ закономъ“ (стр. 38).—Спорный и трудный вопросъ о днѣ смерти Господа рѣшается такъ: „Мы держимся указанія ев. Іоанна, что день страданій и смерти Іисуса Христа—пятокъ—былъ 14 Нисана, а 15 Нисана падало въ этотъ годъ на субботу; слѣд. и пасха еврейская была въ субботу, а не въ пятницу. И если ветхозавѣтный пасхальный агнецъ служилъ прообразомъ новозавѣтнаго пасхальнаго Агнца—Христа, то какъ первый, по повелѣнію Божию, долженъ былъ быть заколаемъ къ вечеру 14 Нисана (Исх. 12, 6), такъ и новозавѣтный Агнецъ долженъ былъ быть принесенъ въ жертву за грѣхи всего міра также 14 Нисана къ вечеру“ (стр. 213. 214). Очевидно, авторъ держится по данному вопросу еще старыхъ взглядовъ, покоющихся на нѣкоторыхъ, между прочимъ, умозрительныхъ соображеніяхъ, не имѣющихъ никакой убѣдительности, ибо Христосъ есть „наша пасха“ независимо отъ того, пострадалъ ли Онъ 14 или 15 Нисана. Нѣтъ никакой попытки у автора примирить дату ев. Іоанна о пасхальной вечери Господа съ показаніями первыхъ трехъ Евангелистовъ.—Относительно порядка искушеній Господа въ пустыни проф. М. И. Богословскій пишетъ: „Св. Матвей, какъ видно изъ его выраженій: *тогда, потомъ*, держался въ своемъ разсказѣ хронологическаго порядка, Лука же обращалъ вниманіе не на послѣдовательность искушеній; а на тѣ мѣстности, въ которыхъ они происходили. Путь изъ пустыни въ Іерусалимъ, гдѣ было второе искушеніе, лежалъ чрезъ горы. И вотъ св. Лука, не держась хронологическаго порядка, ставитъ на второмъ мѣстѣ искушеніе на высокой горѣ, а на третьемъ—искушеніе на кровлѣ Іерусалимскаго храма“ (стр. 87. 88). Рѣшеніе вопроса очень простое, но едвали согласное съ тѣмъ, что ев. Матвей въ своемъ повѣствованіи часто имѣетъ въ виду не столько хронологическую, сколько логическую связь событій.

Нельзя не замѣтить, что относительно нѣкоторыхъ Евангельскихъ варіантовъ авторъ выражается неопредѣленно, напр. относительно чтенія Лук. 3, 2: ἐπὶ ἀρχιερέων и ἐπὶ ἀρχιερέος (стр. 9. 10 прим.). Нѣтъ никакого указанія на чт. въ Иоан. 1, 28 вм. Βοδάρᾱ—ἐν Βοδανίᾳ (стр. 66). Не можемъ согласиться, что I. Предтеча совершенно не зналъ Господа до крещенія. Смыслъ словъ: *и азъ не вѣдѣхъ его*, какъ видно изъ дальнѣйшаго: *но да явится Израилеви, сею ради приидохъ азъ водою крестя* (1, 31), тотъ, что Креститель не зналъ до сихъ поръ Иисуса, какъ Мессію, явившагося Израилю, и только послѣ крещенія, послѣ бывшихъ при крещеніи чудесныхъ знаменій, онъ вполне уразумѣлъ это. *И азъ не вѣдѣхъ его, но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ него же узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ той есть крестяй Духомъ Святымъ* (1, 33). Тутъ невѣдѣніе противопоставляется вѣдѣнію, по особому откровенію Божію, Христа, какъ избавителя міра.

Трудъ проф. М. И. Богословскаго написанъ классически ясно, просто, отчетливо, и является хорошимъ пособіемъ при изученіи евангельской исторіи. Можно пожелать скорѣйшаго появленія его второго выпуска.

Д. Б.